

ISSN 0131-6656

СМОНА

СИГИЗМУНД ЛИБРОВИЧ • ЖЕНСКИЙ КРУГ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

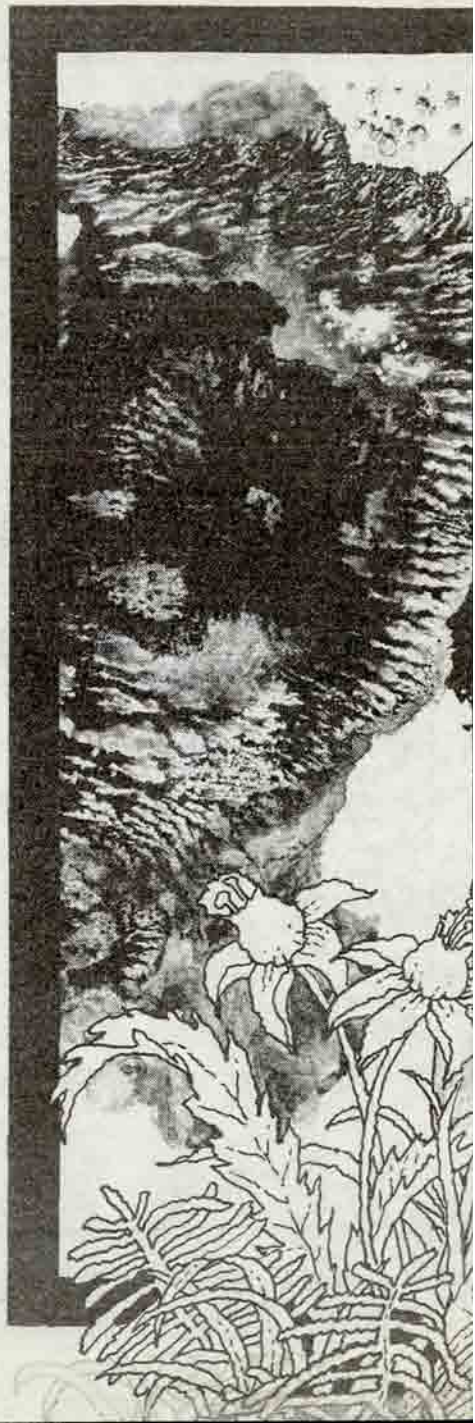
6'93

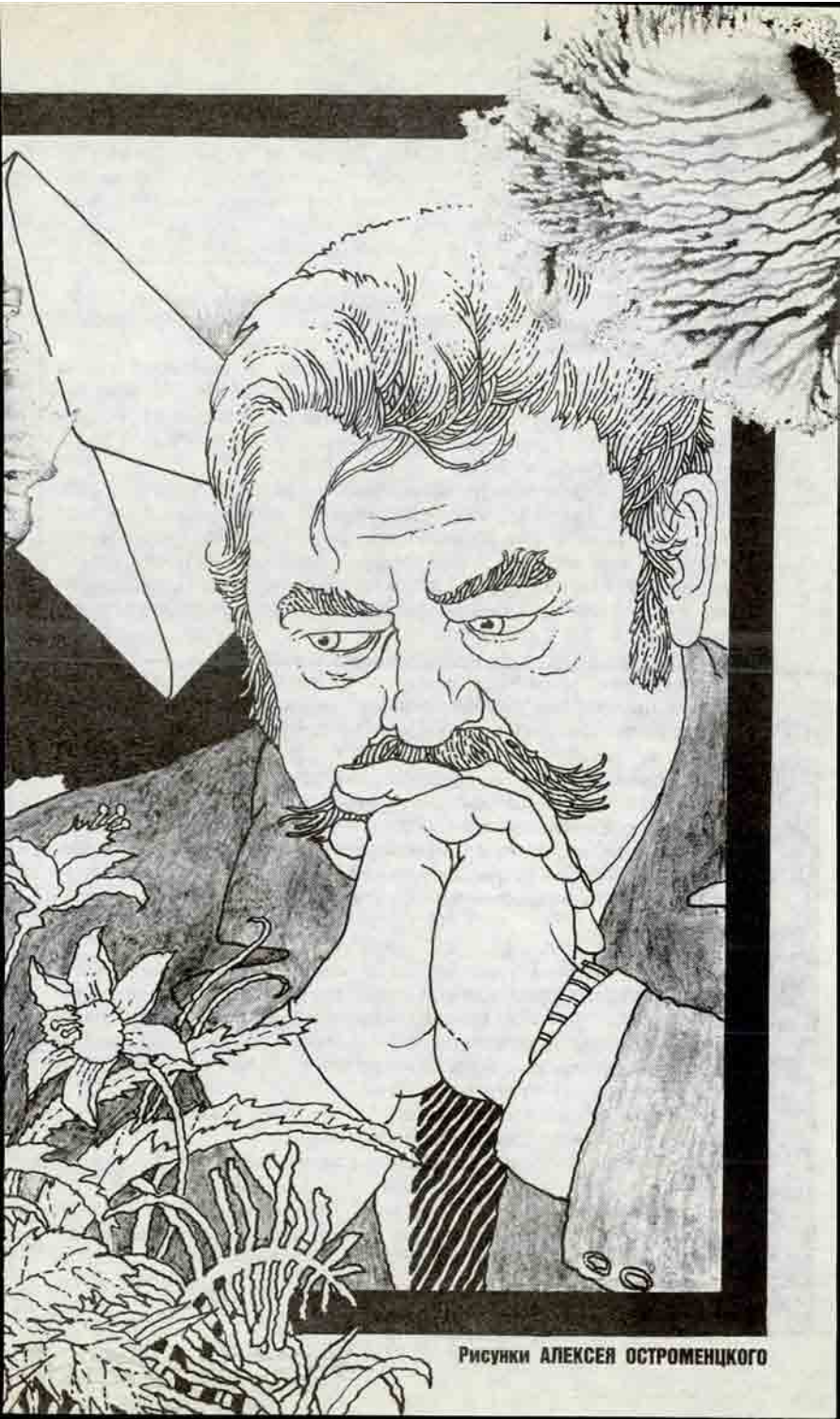
АГАТА КРИСТИ •

КАК РАСТЕТ ВАШ САД?

КАК РАСТЕТ БАШ БАТ?

АГАТА КРИСТИ

Рисунки АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕННОГО

рюль Пуаро сложил письма в ровненькую стопку, взял верхнее, внимательно прочитал адрес, затем аккуратно вскрыл его небольшим ножом для резки бумаги, специально для этой цели лежавшим на столе, за которым он завтракал, и вынул содержимое. Им оказался второй конверт, тщательно запечатанный багровой сургучной печатью и помеченный рукописным грифом «Лично и конфиденциально».

— Patience! Noys allons arriver!* — пробормотал Пуаро и снова пустил нож в дело. На сей раз из конверта выпало письмо, написанное неровным почерком.

Пуаро развернул лист и приступил к чтению. Письмо начиналось с тех же слов, что и на конверте: «Лично и конфиденциально». В правом верхнем углу стоял обратный адрес: «Ролзбэнк, Чарманз-Грин, Бакс» — и дата: «Март, 21».

«Глубокоуважаемый мсье Пуаро,

обратиться к Вам мне рекомендовала дорогая сердцу подруга, которая знает, какие волнения и тревоги я испытываю в последнее время. Правда, она не знает конкретно, что беспокоит меня, ибо я ни с кем не делюсь фактами, поскольку они носят сугубо личный характер. Подруга уверяет, что я могу на Вас целиком положиться и Вы не станете вмешивать в расследование полицию, что было бы крайне неприятно для меня, если подозрения подтвердятся. Хотя, естественно, я могу и ошибаться. Моя голова не в состоянии сейчас мыслить ясно, поскольку я страдаю бессонницей, а прошедшей зимой перенесла тяжелую болезнь и потому не могу самостоятельно разобраться в происходящем. Не имею для того ни средств, ни способностей. С другой стороны, должна еще раз повторить, что дело это весьма деликатное, и по многим причинам я хотела бы сохранить его в тайне. Мне необходимо убедиться в достоверности фактов, а там бы я взялась за дело сама — такой вариант для меня предпочтительней. Если Вы согласитесь взяться за расследование, то, может быть, сообщите мне об этом по вышеозначенному адресу?

Искренне Ваша, Эмилия Барроби».

Ровно в десять Пуаро вошел в кабинет, где в ожидании распоряжений на предстоящий день уже сидела пользовавшаяся его безграничным доверием секретарь. Сорокавосемилетняя мисс Лемон была поразительно некрасива. Казалось, что создана она из множества как попало собранных вместе костей.

Пуаро подал ей утреннюю почту.

— Будьте добры, мадемуазель, подготовьте отказы на все эти письма в соответствующих выражениях.

Мисс Лемон пробежала глазами принесенные Пуаро бумаги и каждую пометила особым иероглифом, значение которых понятно было только ей одной. А означали они варианты ответов: «медовый», «с оплеухой», «мур-мур», «резкий» и так далее. В два счета справившись с этой работой, она удовлетворенно кивнула и подняла глаза в ожидании дальнейших распоряжений.

* Терпение! Мы доберемся до него (французск.).

Пуаро вручил ей письмо Эмили Барроби. Мисс Лемон извлекла исписанный листок из двух конвертов, прочитала его и вопросительно взглянула на сыщика.

— Да, мсье Пуаро?

Ее карандаш в готовности завис над блокнотом для стенографирования.

— Что вы о нем думаете, мисс Лемон?

Слегка нахмурившись, она отложила карандаш и прочла письмо во второй раз, однако ничего нового для себя в нем не открыла, лишь мысленно составила на него адекватный ответ. Пуаро редко обращался к ее человеческим — в противоположность профессиональным — качествам, а когда делал это, мисс Лемон обычно слегка раздражалась: она давно уже превратилась в едва ли не совершенный автомат, который абсолютно не интересовали человеческие проблемы, и слава Богу. Ее подлинным увлечением в жизни было делопроизводство: мисс Лемон мечтала создать настолько совершенную систему подшивки и хранения документов, что после нее все существующие были бы преданы забвению. Систематизированные картотеки ей даже по ночам снились. Однако в житейских делах мисс Лемон была вполне сведуща, о чем Пуаро хорошо знал.

— Так что же?

— Писала старуха, — сказала мисс Лемон. — Душа у нее не на месте...

— Как?.. Вы думаете, она так стара, что душа ее готова вот-вот отлететь?

Мисс Лемон, полагая, что Пуаро достаточно долго прожил в Великобритании, чтобы изучить фразеологию английского языка, вместо ответа еще раз посмотрела на два лежащих перед ней конверта.

— Такие предосторожности, а в письме ничего конкретного.

— Ага, вы тоже обратили на это внимание?

Рука мисс Лемон вновь в ожидании зависла над блокнотом. В этот раз Пуаро отреагировал на ее жест правильно.

— Напишите, что я почту за честь посетить ее лично в любое удобное для нее время, если только она не захочет проконсультроваться у меня здесь. Не печатайте, напишите от руки.

— Хорошо, мсье Пуаро.

Он протянул ей остальные бумаги.

— Это счета.

Мисс Лемон быстро, со знанием дела, рассортировала их.

— Я оплачу все, кроме этих двух.

— Почему? Они выписаны правильно.

— Это счета фирм, с которыми вы только-только начали дела. Торопливость в их оплате может произвести плохое впечатление: чего доброго, решат, будто вы им пускаете пыль в глаза в надежде на будущие кредиты.

— Ах, вот оно что, — пробормотал Пуаро. — Вашему знанию души британского торговца остается лишь позавидовать.

— Не так уж много я о них знаю, — хмуро заметила мисс Лемон.

Письмо Эмили Барроби было должным образом подготовлено и без промедления отправлено, но ответа на него не последовало. Возможно, подумал Пуаро, старая женщина разгадала свою тайну самостоятельно. И все же он был немного удивлен тем, что, если необходимость в его услугах отпала, она не сообщила ему об этом, черкнув пару любезных, учтивых слов.

Пять дней спустя, получив обычный утренний инструктаж, мисс Лемон как бы мимоходом обронила:

— Неудивительно, что мисс Барроби, которой мы послали письмо, не ответила. Она мертва.

— Ах... мертва, — тихо повторил Пуаро, словно ответил на чей-то вопрос.

Открыв сумочку, мисс Лемон достала из нее клочок газетной бумаги.

— Я увидела это в метро и вырвала.

С одобрением отметив про себя, что, употребив слово «вырвала», мисс Лемон на самом деле аккуратно вырезала его ножницами, Пуаро прочитал извещение из раздела «Рождения. Кончины. Свадьбы» газеты «Морнинг пост»: «26 марта — скоростижно — в Роузбэнке, Чарманз-Грин, на семьдесят третьем году скончалась Эмилия Барроби. Просьба цветов не приносить».

Прочитав сообщение еще раз, он негромко произнес вслух слово «скоростижно» и, оживившись, распорядился:

— Будьте добры, мисс Лемон, подготовьте следующее письмо.

Карандаш секретарши завис над блокнотом. Продолжая размышлять о совершенствовании системы учета и хранения бумаг, она быстро и без ошибок записала:

«Глубокоуважаемая мисс Барроби,

я не получил от Вас ответа на мое послание, но в пятницу буду неподалеку от Чарманз-Грина, заодно загляну к Вам, и мы сможем подробнее обсудить проблемы, о которых Вы мне писали.

Ваш и т. д.».

— Отпечатайте, пожалуйста, и немедленно отправьте, тогда оно придет по адресу уже сегодня вечером.

На следующее утро со второй почтой Пуаро получил конверт в траурной рамке.

«Глубокоуважаемый сэр,

в ответ на Ваше письмо моей тете, мисс Барроби, сообщаю, что она скончалась двадцать шестого сего месяца, поэтому проблемы, о которых Вы упомянули, более не имеют никакого значения.

Ваша Мэри Делафонтейн».

Пуаро мысленно усмехнулся. «Более не имеют никакого значения...» Что ж, посмотрим. *En avant**, в Чарманз-Грин.

«Роузбэнк» оказался именован, в отличие от большинства его собратьев по классу, вполне достойным своего названия**.

Поднявшись к дому, Пуаро приостановился и с одобрением оглянулся на аккуратно разбитые по обе стороны от центральной

* Вперед (французск.).

** «Розовый склон».

аллеи клумбы, усаженные кустами роз, сулившими чуть позже обильное цветение, уже распустившимися нарциссами, ранними тюльпанами, голубыми гиацинтами. Крайняя клумба была частично окаймлена ракушками.

— Как там поется в детской песенке? — пробормотал Пуаро. — Покажите, миссис Мэри, как растет ваш сад? С гребешками, петушками, с девушками в ряд.

«Возможно, и не в ряд, но одна по крайней мере здесь есть, так что в песенке все правильно», — подумал Пуаро, увидев открывшую ему дверь аккуратную, небольшого роста горничную в чепце и фартуке; девушка с подозрением глядела на удивительного иностранца с огромными усами и яйцеобразной головой, громко разговаривавшего с самим собой. Она была, как отметил мысленно Пуаро, очень мила, синеглаза и румяна.

Вежливо приподняв шляпу, он обратился к служанке с вопросом:

— Пардон, не здесь ли проживает некая мисс Эмилия Барроби?

Девушка ахнула, и большие, красивые глаза ее округлились. — Ах, сэр, разве вы не знаете? Мисс Барроби умерла. Очень неожиданно. Во вторник вечером.

Она нерешительно приумолкла, не зная, как поступить. С одной стороны, ее сдерживало инстинктивное недоверие к иностранцам, с другой — очень хотелось продолжить: кончины и болезни — любимая тема для разговора людей ее класса.

— Что вы говорите! — деланно поразился Пуаро. — У меня на сегодня назначена встреча с ней. Может быть, я могу повидаться со второй леди, которая здесь живет?

В глазах горничной мелькнуло сомнение.

— С хозяйкой? Она-то дома, но не знаю, захочет ли кто-нибудь принять.

— Меня примет, — заявил Пуаро и вручил ей визитную карточку.

Его решительный тон возымел результат. Розовощекая служанка отступила в сторону, пропуская гостя, проводила его в гостиную справа от холла и с карточкой в вытянутой руке отправилась за госпожой.

Пуаро огляделся. Комната как комната, ничего в ней не было особенного, что отличало бы ее от подобных гостиных в других домах, — бумажные обои цвета овсянки и бордюр поверху, неопределенной расцветки кресла, розовые подушки и занавески, множество фарфоровых безделушек и изящных финтифлюшек. Ничего здесь не бросалось в глаза, не говорило о личности хозяйки.

Внезапно он, благодаря своей повышенной чувствительности, ощутил на себе взгляд чьих-то глаз. Пуаро быстро обернулся — в распахнутой стеклянной двери в сад стояла невысокая бледная брюнетка и подозрительно смотрела на него.

Пуаро слегка поклонился. Девушка шагнула в комнату и неожиданно спросила:

— Зачем вы приехали?

Пуаро не ответил, лишь удивленно поднял брови.

— Вы не адвокат?

По-английски она говорила очень хорошо, но вряд ли кто-нибудь хоть на минуту принял бы ее за англичанку.

— А почему я должен быть адвокатом, мадемуазель?

Девушка хмуро взглянула на него.

— Я так подумала. Я подумала, что вы, наверное, приехали сказать, будто она была не в своем уме, не понимала, что делала. Я слышала о подобном, о «преступном влиянии» — так, кажется, это называется, да? Но это неправда. Она хотела оставить мне деньги, и я их получу. Если понадобится, я тоже найму адвоката. Деньги мои. Так она написала, так оно и будет.

Выглядела коротышка в тот момент безобразно: подбородок задран, глаза мечут искры...

Дверь открылась, в гостиную вошла высокая женщина.

— Катрина, — произнесла она, и девушка тотчас съезжилась, что-то пробормотала и вышла.

Пуаро повернулся лицом к вошедшей, столь эффектно, одним лишь словом разрядившей обстановку. Голос ее прозвучал аластно, с оттенком иронии. Он сразу понял, что эта женщина и была хозяйкой дома, Мэри Деллафонтейн.

— Мсье Пуаро? Я ведь написала вам о постигшем нас несчастье. Вы не могли не получить моего письма.

— Увы, меня в Лондоне не было.

— Вот как? Тогда все понятно. Должна представиться. Я — Деллафонтейн. Это мой муж. Мисс Барроби была моей тетей.

Мистер Деллафонтейн вошел так тихо, что Пуаро его сразу и не заметил. Это был высокий мужчина с напوماженной головой и нерешительными манерами. Он нервно брался рукой за подбородок и все время поглядывал на супругу, желая, как всегда, оставить инициативу в разговоре за ней.

— Очень сожалею, что побеспокоил вас в столь горестный час, — промолвил Пуаро.

— Вы в этом не виноваты, — успокоила его хозяйка. — Моя тетька умерла во вторник вечером. Совершенно неожиданно.

— Да-да, совершенно неожиданно, — подтвердил супруг. — Тяжелый удар.

Он смотрел на дверь, за которой скрылась девушка.

— Я приношу свои извинения и удаляюсь, — сказал Пуаро и шагнул к выходу.

— Одну секунду, — остановил его мистер Деллафонтейн. — У вас... Э-э... говорите, была назначена встреча с тетей Эмилией?

— Parfaitement*.

— Может быть, вы нам скажете, в чем дело? — предложила его супруга. — Если в наших силах помочь...

— Дело было личного свойства, — пояснил Пуаро и как бы мимоходом добавил: — Я — детектив.

Мистер Деллафонтейн уронил фарфоровую фигурку, которую бездумно вертел в руках. Его жена удивленно переспросила:

— Детектив? И у вас была назначена встреча с тетушкой?

* Совершенно верно (французск.).

Как странно! Не можете ли вы рассказать об этом поподробнее? Право, все это звучит... фантастически.

Пуаро помолчал, подбирая нужные слова.

— Мне трудно решить, мадам, как следует поступить.

— Послушайте, — вмешался мистер Делафонтейн, — а русских она не упоминала?

— Русских?

— Не говори глупостей, Генри, — одернула его жена.

Делафонтейн стусевался.

— Извините, извините, в самом деле, чего только в голову не придет!

Взгляд миссис Делафонтейн был прям и открыт. Глаза у нее были синие-синие, как незабудки.

— Если вы что-то знаете, мсье Пуаро, поделитесь с нами. Поверьте, у меня есть основания просить вас об этом.

На лице ее мужа отразился испуг.

— Осторожно, подруга. Ты же понимаешь, что все это может оказаться просто игрой воображения.

Миссис Делафонтейн взглядом заставила его замолчать.

— Итак, мсье Пуаро?

Сыщик с видимым сожалением покачал головой.

— Боюсь, мадам, что в настоящий момент мне вам нечего сказать.

Он откланялся, взял шляпу и направился к двери. Мэри Делафонтейн вышла вместе с ним в холл. На ступенях Пуаро приостановился и обернулся к ней.

— Мне кажется, вы любите свой сад, мадам?

— Да, я уделяю ему много времени.

— *Je vous fait mes compliments* *.

Пуаро отвесил ей очередной поклон и решительно зашагал к воротам. Выйдя на улицу, он повернул направо и еще раз оглянулся на дом. В памяти его запечатлелись бледное лицо в окне второго этажа и прямая, по-военному подтянутая фигура мужчины, расхаживающего взад-вперед по противоположной стороне улицы. Он пробормотал вслух:

— Определенно, в этой норке сидит мышка. Как должен в таком случае поступить кот?

Принятое решение привело его на ближайшую почту, откуда он сделал два телефонных звонка. Результат, похоже, его удовлетворил. С почты он отправился в полицейский участок и спросил там инспектора Симза.

Инспектор Симз оказался внушительным, дородным мужчиной с радушными манерами.

— Мсье Пуаро? — спросил он. — Я так и подумал. Мне только что позвонил начальник полиции, предупредил о вашем приходе. Пойдемте ко мне.

Закрыв за собой дверь кабинета, инспектор жестом указал Пуаро на стул, сам уселся на другой и с любопытством посмотрел на гостя.

— Вы зря времени не теряете, мсье Пуаро. Не успели мы

* Позвольте выразить вам мое восхищение (французск.).

узнать о происшествии в «Роузбэнке», а вы уже тут как тут. До вас-то как информация дошла?

Пуаро достал из кармана письмо мисс Барроби и передал инспектору. Тот с интересом прочитал его.

— Занятно. Только непонятно, что она имела в виду. Будь оно определеннее, могло бы нам сейчас помочь.

— А то и вообще никакой помощи не понадобилось бы.

— Что вы имеете в виду?

— Она могла бы остаться в живых.

— Вы так думаете? Хм, возможно, вы и правы.

— Прошу вас, инспектор, изложите мне факты. Я ничего не знаю.

— Это просто. Старушке стало плохо во вторник после ужина. Очень плохо. Начались конвульсии, судороги и тому подобное. Послали за доктором. К его приезду она была уже мертва. Сначала думали, что ее хватил удар. Ну, а доктору что-то не понравилось. Он заколебался, начал мямлить одно, другое, но в конце концов заявил, что свидетельство о смерти подписать не может. В данный момент родственники ожидают результатов вскрытия. Мы же знаем уже несколько больше. Результаты аутопсии не оставили сомнений: мисс Барроби умерла от большой дозы стрихнина.

— Ага!

— Да, да. Дрянное дельце. Смерть наступила вскоре после того, как она его проглотила. Вначале мы думали, что яд ей подсыпали в пищу во время ужина. Они ели суп из артишоков, который разливали из общей супницы, рыбную запеканку и яблочный пирог. Ужинали мисс Барроби, мистер и миссис Делафонтейн. У мисс Барроби была не то сиделка, не то прислуга, наполовину русская девица, но она за стол с хозяевами не садилась, ела то, что оставалось после них. Работает у них и горничная, но в тот день она была выходная, оставила суп на плите, запеканку в духовке. Пирог был холодный. Все трое ели одно и то же, да и не представляю, как можно подсыпать стрихнин в такую пищу. Он же горький, как желчь. Доктор сказал мне, что вкус его можно ощутить в растворе один к тысяче или что-то вроде того.

— А кофе?

— В кофе можно, пожалуй, но она кофе не пила.

— Понятно. Что ж, похоже, преступнику пришлось решать нелегкую задачу. Что она пила за ужином?

— Воду.

— Все холодней и холодней.

— Похоже на головоломку, правда?

— У нее были деньги?

— И немало. Конечно, всех подробностей мы еще не знаем. Насколько мне известно, со средствами у Делафонтейнов туго. Мисс Барроби помогала им содержать дом.

Пуаро улыбнулся.

— Итак, вы подозреваете Делафонтейнов. Кого из них?

— Нельзя сказать, что я уверен в их виновности на сто процентов. Но что поделаешь, они — единственные родственни-

ки погибшей и с ее смертью, не сомневаюсь, получат в наследство кругленькую сумму. Мы же знаем, какова человеческая натура.

— Да, да, порой люди бесчеловечны, вы правы. А старушка больше ничего не пила и не ела?

— Ну...

— А, *voilà!* * Я чувствовал, что у вас, как говорят англичане, что-то спрятано в рукаве. Суп, запеканка, яблочный пирог — *betise* **! Теперь мы добрались до главного.

— Не знаю, не знаю. Но старая дева принимала перед едой порошки. Не пилюли, не таблетки, а порошки в папиросной бумажке, видели такие? Какое-то совершенно безобидное средство для улучшения пищеварения.

— Чудесно. Нет ничего проще, чем подсунуть в них пакетик со стрихнином. Порошок засыпается в горло, тут же заливается водой, и вкус его не ощущается.

— Все верно. Но порошки ей принесла девушка.

— Русская?

— Да. Катрина Ригер. Она была у мисс Барроби полукомпаньонкой, полусиделкой, а заодно и служанкой. Знаете: сходи туда, принеси то, подай это, разотри мне спину, накапай лекарство, сбегай в аптеку... В общем, от других старух отличалась: все они хотят быть добрыми, а становятся тиранами.

Пуаро улыбнулся.

— Таковы факты, — продолжал Симз. — И, надо прямо сказать, факты паршивые. Зачем было девушке травить ее? Мисс Барроби умерла, и теперь она останется без работы, а работу не так просто найти, ведь у нее нет никакой специальности.

— С другой стороны, если коробка с порошками лежала в доступном месте, яд мог подложить в нее кто угодно, — предположил Пуаро.

— Само собой разумеется, мы отработываем эту версию. Не стану скрывать от вас: мы ведем расследование — потихоньку, не поднимая шума, уточняем, когда и кем порошки были приготовлены, где хранились. Кроме того, на завтра у меня назначена встреча с поверенным мисс Барроби. И управляющим банком. Да, работы впереди еще немало.

Пуаро поднялся.

— Я попрошу вас об одном одолжении, мистер Симз. Будьте добры, черкните мне пару слов, если обнаружите что-то новое. Я почту это за великую услугу. Вот номер моего телефона.

— Конечно, конечно, мсье Пуаро. Как говорится, одна голова хорошо, а две лучше. Тем более что вы имеете непосредственное отношение к делу, получив то письмо.

— Вы очень любезны, инспектор.

Пуаро вежливо пожал ему руку и удалился.

К телефону его пригласили на следующий день.

— Мсье Пуаро? Это инспектор Симз. Кажется, картинка в го-

* То-то (*французск.*).

** Пустяк (*французск.*).

доволомке, о которой мы накануне говорили, начинает складываться.

— В самом деле? Прошу вас, расскажите поподробнее.

— Что ж, слушайте. Деталь первая и весьма важная. Мисс Б. оставила племяннице лишь небольшое содержание, все остальное отписано мисс К. «в благодарность за проявленные доброту и внимание» — так сформулировано в завещании. А это полностью меняет общий колорит рисунка. Деталь номер два, — продолжал Симз. — Никто, кроме К., к порошкам не прикасался.

— Вы уверены в этом?

— Она сама так сказала. Что вы думаете по этому поводу?

— Очень интересно.

— Нам осталось уточнить лишь, где она взяла стрихнин. Думаю, это будет несложно.

— Но пока вам этого не удалось?

— Официальное следствие только началось. Дознание состоялось сегодня утром.

— Каков результат?

— Отложено на неделю.

— А девушка... К.?

— Я задержал ее по подозрению. Не хочу рисковать. Мало ли, может, у нее приятель какой есть, еще попытается вызволить подружку из беды.

— Нет, — сказал Пуаро. — По-моему, у нее друзей нет.

— Нет? Почему вы так думаете?

— Мне так кажется. Других «деталей», как вы их называете, нет?

— Ничего существенного. Судя по всему, мисс Б. в последнее время пускалась в рискованные предприятия: ее счет облегчился на приличную сумму. Странно, конечно, но я не вижу, как это может вязаться с остальным. Пока, во всяком случае.

— Может быть, связи и нет. Что ж, большое вам спасибо. Очень любезно было с вашей стороны позвонить мне.

— Не стоит благодарности. Я — человек слова. Мне сразу стало ясно, что случай вас заинтересовал. Как знать, может, вы сумеете мне чем-нибудь помочь.

— С большой радостью. Например, если найду подругу или друга девушки по имени Катрина.

— Позвольте, но вы, кажется, сами сказали, что у нее друзей нет, или я ошибаюсь? — удивленно переспросил Симз.

— Ошибался я, — уточнил Пуаро. — Один есть.

И, прежде чем инспектор успел задать следующий вопрос, положил трубку.

Когда он вошел в комнату, где за пишущей машинкой сидела мисс Лемон, лицо его было серьезно. Секретарша перестала печатать и, подняв руки над клавишами, вопросительно посмотрела на него.

— Я бы хотел попросить вас представить себе одну историю, — предложил ей Пуаро.

Мисс Лемон покорно опустила руки на колени. Она любила печатать, платить по счетам, регистрировать входящие и исходящие документы и фиксировать деловые встречи. Просьба

представить себя в гипотетической ситуации навела на нее тоску, но мисс Лемон отнеслась к ней философски: в любой профессии есть свои неприятные стороны.

— Вы — русская девушка, — начал Пуаро.

— Так, — согласилась мисс Лемон, оставаясь истинной британкой.

— Вы одиноки, в этой стране у вас нет друзей. По каким-то причинам вы не хотите возвращаться в Россию. Работа ваша тяжела, неинтересна, поскольку приходится выполнять обязанности компаньонки старой дамы, ее сиделки и служанки. Но вы кротки и безропотны.

— Так, — послушно сказала мисс Лемон, совершенно не представляя себя в роли кроткой девицы под каблуком какой бы то ни было старухи.

— Представьте, что старая леди полюбила вас. Она решает оставить вам состояние. И говорит вам об этом. И вдруг старая леди что-то обнаруживает. Может быть, обман. Может быть, он связан с деньгами. А может, и что-нибудь похуже: странное на вкус лекарство или непонятное недомогание после приема пищи. Как бы то ни было, она начинает в чем-то вас подозревать и пишет письмо очень знаменитому детективу — самому знаменитому — мне! И просит, не откладывая, приехать к ней. Тут уж, как говорится, дело начинает пахнуть керосином. Теперь главное — действовать, и действовать без промедления. Поэтому, прежде чем великий детектив приезжает к ней, старая леди умирает. А деньги остаются вам... Скажите, подобная история вам кажется правдоподобной?

126 — Вполне, — подтвердила мисс Лемон. — Вполне, если учесть, что девушка — русская. Лично я никогда бы не стала компаньонкой. Предпочитаю профессии с точно обозначенным кругом обязанностей. И, разумеется, мне бы в голову никогда не пришло кого-либо убивать.

Пуаро вздохнул.

— Как мне не хватает моего друга Гастингса! У него было такое воображение! Какой романтик! Что правда, то правда, в выводах он всегда ошибался, но это тоже было своего рода ориентиром.

Мисс Лемон молчала. Ей достаточно часто приходилось слышать о Гастингсе, и потому он потерял для нее всякий интерес. Она нетерпеливо взглянула на торчавший из машинки недопечатанный лист.

— Значит, на ваш взгляд, подобное вполне могло произойти, — задумчиво произнес Пуаро.

— А на ваш?

— Наверное, тоже, — вздохнул сыщик.

Зазвонил телефон; мисс Лемон вышла в соседнюю комнату, но тут же вернулась.

— Это опять инспектор Симз.

Пуаро поспешил в аппаратную.

— Алло? Алло? Что вы говорите?

Симз повторил

— В спальне девушки нашли пакетик со стрихнином. Он

лежал у нее под матрасом. Мне только что об этом доложил сержант. Таким образом, круг, на мой взгляд, замкнулся.

— Да, — уверенно произнес Пуаро. — На мой — тоже.

Положив трубку, он сел за письменный стол и машинально поправил лежащие на нем предметы. Потом вслух пробормотал:

— Что-то там было не так. Я это почувствовал. Нет, не почувствовал. Должно быть, увидел. Ну-ка, ну-ка, серые клеточки, за работу, да поактивнее. Думайте, вспоминайте. Все ли там было логично, все ли в порядке? Девушка, ее взволнованность по поводу денег. Мадам Делафонтейн, ее муж, его упоминание о русских — глупость, но он и есть глупец. Дом, сад — ага! Сад!

Пуаро замер. В глазах его вспыхнули зеленые огоньки. Потом он стремительно поднялся и вышел в соседнюю комнату.

— Мисс Лемон, будьте добры, оставьте все дела и займитесь небольшим расследованием, ладно?

— Расследованием, мсье? Боюсь, у меня не полу...

— Вы недавно сказали, — перебил ее Пуаро, — что неплохо знаете натуру торговцев.

— Без сомнения, — уверенно ответила мисс Лемон.

— Тогда задача вам будет по плечу. Надо поехать в Чарманз-Грин и найти там торговца рыбой.

— Торговца рыбой? — удивленно переспросила мисс Лемон.

— Именно. Торговца, поставляющего рыбу в «Роузбэнк». А когда найдете его, задайте ему один-единственный вопрос.

Он вручил секретарше небольшой листок. Мисс Лемон взяла его, без интереса прочитала, кивнула и накрыла машинку чехлом.

— В Чарманз-Грин мы поедем вместе, — продолжал Пуаро. — Вы отправитесь к рыборотговцу, я — в полицию. От Бакер-стрит мы доберемся туда за полчаса.

В полицейском участке его приветствовал удивленный инспектор Симз.

— Вот это темпы, мсье Пуаро! Ведь я говорил с вами по телефону не более часа назад.

— У меня к вам просьба: разрешите поговорить с арестованной, Катриной... как ее?

— Катриной Ригер. Не возражаю.

Девушка выглядела бледнее и угрюмее, чем прежде.

— Мадемуазель, я хочу, чтобы вы поверили мне: я вам не враг, — мягко, даже ласково начал бельгиец. — Я хотел бы услышать от вас всю правду.

Ее глаза вызывающе сверкнули.

— Я сказала всю правду. Я всегда говорю только правду! Если мисс Барроби отравили, то я тут ни при чем. Это ошибка. Вы просто-напросто хотите лишиться меня денег.

Голос ее звучал хрипло, а сама девушка в тот момент напоминала загнанную в угол крысу.

— Расскажите мне о порошках, мадемуазель, — предложил Пуаро. — Кто, кроме вас, имел к ним доступ?

— Никто!

Загнанная в угол, но как смела!

— А мисс Барроби за ужином ела только то, о чем мы знаем? Суп, запеканку и яблочный пирог, так?

— Да.— Грустное «да» и грустные глаза, не видевшие вокруг никакого просвета.

Пуаро похлопал ее по плечу.

— Крепитесь, мадемуазель. Возможно, вы еще получите свободу. Свободу и деньги.

Катрина недоверчиво посмотрела на него.

— Боюсь, мсье, я вас не понял, когда по телефону вы сказали, что у девушки есть друг,— заметил Симз, прощаясь с Пуаро.

— Да, один друг у нее есть. Это я! — ответил Пуаро и вышел из кабинета прежде, чем инспектор успел собраться с мыслями.

Мисс Лемон не заставила себя ждать и появилась в чайной «Зеленый кот» вскоре после Пуаро. Не трата времени даром, она сразу перешла к делу.

— Фамилия его Радж, живет на Хай-стрит, и вы были абсолютно правы. Ровно полторы дюжины. Я записала все, что он сказал.

И отдала ему блокнот.

— Ар-р-р,— произнес Пуаро, словно большой, довольный кот.

Из чайной он отправился в «Роузбэнк» и, не доходя до дома, остановился в садике, глядя на цветочные клумбы.

— Мсье Пуаро? — прозвучал удивленный голос: на пороге стояла Мэри Делэфонтейн. — Вы вернулись?

— Да, я вернулся,— ответил сыщик и, помолчав, добавил: — Когда я впервые пришел сюда, мадам, мне вспомнился детский стишок:

*Покажите, миссис Мэри,
Как растет ваш сад?
С гребешками, петушками,
С девушками в ряд.*

Разница лишь в том, что у вас тут раковины не гребешков, а устриц. Верно, мадам?

Он указал на крайнюю клумбу.

Миссис Делэфонтейн еле слышно ахнула и замерла. В ее глазах застыл немой вопрос.

Пуаро кивнул.

— Mais oui*, я все равно знаю! Прислуга оставила вам готовый ужин — она и Катрина под присягой покажут, что это все и ели. Но лишь вам и вашему мужу известно, что от рыборотгонца вы принесли полторы дюжины устриц — маленькое угощение pour la bonntante**. Нет ничего проще, чем подсыпать стрихнин в устрицу. Их ведь глотают только так! Но вот беда: ракушки остаются. В мусорное ведро их не выбросишь: служанка увидит. И тогда вам пришла в голову мысль украсить ими клумбу. Только их не хватило, а это внесло дисгармонию, испортило общий вид поистине очаровательного садика. Эти ракушки здесь

* Разумеется (французск.).

** Для дорогой тетушки (французск.).

неуместны, они произвели на меня неприятное впечатление еще в прошлый раз, когда я увидел его впервые.

— Вы, наверное, обо всем догадались, прочитав письмо,— сказала миссис Делфонтейн.— Я знала, что она вам написала, не знала лишь, что именно.

— По крайней мере из письма я понял, что речь идет о семейных делах,— уклонился от прямого ответа Пуаро.— Провинись Катрина — не потребовалось бы никакой секретности. Я догадываюсь, что вы и ваш муж позаимствовали кое-какие из ценных бумаг мисс Барроби, а она это обнаружила...

Женщина кивнула.

— Мы уже несколько лет этим занимаемся — понемногу. Я и не подозревала, что тетя так бдительна, и вдруг узнаю, что она пригласила детектива, а деньги отписала Катрине, этой несчастной коротышке!

— Поэтому вы и подложили стрихнин в спальню девушки? Таким образом вы надеялись спасти себя и мужа от разоблачения и подставить несчастное дитя. У вас нет ни грамма жалости, мадам?

Она пожала плечами, глядя незабудковыми глазами прямо в лицо Пуаро. Он припомнил, с каким совершенством Мэри Делфонтейн разыграла свою роль во время его первого визита, как неумело пытался подыграть ей муж. Женщина, несомненно, обладала характером неординарным, но бесчеловечным.

— Жалости? — переспросила она.— К этой крысе, к этой маленькой интриганке?

В ее голосе отчетливо прозвучало презрение.

— Мне кажется, мадам,— медленно произнес Пуаро,— в вашей жизни у вас были только два объекта вашей любви и заботы. Во-первых, муж.

Ее губы дрогнули.

— А во-вторых, ваш сад.

Он оглянулся на цветы, словно взглядом просил у них прощения за то, что уже сделал и что собирался сейчас завершить...

**Перевод с английского
СЕРГЕЯ РАЮШКИНА.**